

УДК 947
ББК 63.3(2)
Т – 49

Тлепцок Руслан Асланович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, т.: 8(8772)530614

ПРОБЛЕМА «ИМПЕРСКОГО РАСШИРЕНИЯ» РОССИИ В ПОНЯТИЯХ И ТЕРМИНАХ

Статья посвящена проблемам имперского расширения Российской империи и процессу формирования в научно-исследовательской среде понятийного–терминологического аппарата, обозначающего те или иные народы, категории населения, вовлекаемые с процессом расширения границ империи в социально-политическую структуру страны.

Ключевые слова: Российская империя, имперское расширение, колонизация.

Tleptsok Ruslan Aslanovich, Candidate of History, associate professor of the General History Department of the History Faculty of Adyghe State University, tel.: 8 (8772) 530614

THE PROBLEM OF 'IMPERIAL EXPANSION' OF RUSSIA IN CONCEPTS AND TERMS

The article deals with the problems of imperial expansion of the Russian Empire and the formation of a research environment, the conceptual-terminological designating of certain peoples, population groups, involved with the process of expanding the frontiers of the empire in the socio-political structure of the country.

Keywords: Russian Empire, imperial expansion, colonization.

В российской научной мысли существует множество подходов к осмыслению проблемы колонизации, ее видовой принадлежности, динамики, используемого терминологического аппарата. Исторический императив российской колонизации выдвинул на первый план проблему взаимодействия «центр-окраина», породившую круг специфических вопросов и ряд терминологических проблем. В рамках данной статьи предполагается выявить объем и динамику понятий, отражавших полиэтничную структуру Российской империи.

Многообразие подходов нашло выражение в терминологии, используемой для описания положения основных категорий населения. Культурная иерархия этносов Российской империи определяла степень «инаковости», основанную на различиях жизненных укладов, религии, языка. В исторических реалиях XVIII-XIX вв. ее можно представить в виде системы контактных зон, расходящихся от «своего» центрального

круга русских вовне ко все более чуждому. Подданные государя вначале были юридически разделены на две группы: природных («натуральных») и инородцев (иноплеменников, аллогенов). Вначале речь шла о конфессионально-религиозном факторе, всегда бывшем официальным критерием разграничений, но подчинявшемся сословному принципу. Некоторое время нехристиане выделялись как «иноверцы». Просвещенный абсолютизм Екатерины II снизил значение религии и выдвинул на первый план эволюционистски понятый критерий жизненного уклада, в первую очередь, разграничение прогрессивного оседлого образа жизни и отсталого кочевого уклада, обусловившего возникновение термина «инородец»[1]. Подобный подход в отечественном историческом знании начал складываться с конца XVIII в., после путешествия Екатерины II в татарский Крым, тогда же в России стали появляться стереотипы «инаковости» и образ «другого» как онтологически отличного от норм доминирующей европейской культуры[2]. Фактом, подтверждающим подобные оценки являются этнографические инструкции которые Герард Фридрих Миллер получил от Санкт-Петербургской Академии наук в 1773 г., отправляясь в экспедицию с целью описания населения, быта и нравов народов Сибири. Инструкции, содержали 11 пунктов для «особого внимания» и базировались на д, аламберовском принципе великой инвентаризации XVIII в. - «искусстве сведения, насколько это возможно, большего числа явлений к одному, которое можно считать их принципом». Некоторые составляющие анализа казались значимее других и служили организующими принципами ориентирования для сравнения. Чтобы описать определенную нацию, исследователь должен был знать, где кончается одна нация и начинается другая: иначе говоря: он должен был найти этнический эквивалент линеевских пестиков и тычинок, создав сложную, но полную иерархию социальных характеристик. Социальные представления о населении отдаленных окраин органично связывались с освоением вновь приобретенных территорий. В отличие от многих колониальных держав Запада российская колонизация была направлена не на уничтожение и искоренение населения колонизируемых земель, а на его «природнение», превращение «чужих» в «своих».

Наиболее романтизированным выглядело содержание термина «туземцы», отразившее распространение концепции «благородного дикаря» (Ж.Ж. Руссо) и философско-антропологических идей Просвещения и эволюционистских доктрин (Ф. Лафито, А. Тюрго)[3]. Предложенная схема эволюции человечества размещала одновременно

существующие народы и культуры на исторической шкале. «Свои», отечественные, туземцы благодаря этим идеям стали восприниматься как осколки населения далеких эпох, «живая старина»[4]. В результате возникла ситуация, в которой «размытость» терминологических понятий «туземцы», «инородцы», «иноверцы» привела к их выраженной идентификации в российской исторической науке[5]. В различные исторические эпохи термины «туземцы», «инородцы», «иноверцы», ассоциируемые с народами, интегрируемыми в структуру империи, обусловили появление симбиозного понятия «коренные народы». Все эти представления не могли не отразиться на используемой историками терминологии и в современной исторической науке.

Проведенный анализ позволяет выявить основные направления и интенсивность развития терминологии. Термин «туземцы» параллельно с термином «инородцы» использовался уже на раннем этапе освоения Сибири и азиатского Севера. Семантика этого термина достаточно очевидна: туземцы - это население «тех земель». В словаре В. И. Даля этот термин определяется как «здешний, тамошний уроженец, природный житель страны»[6]. Одно из предложенных им значений слова «земля» имеет отношение к семантике корня в термине «туземец»- «участок поверхности земли нашей, по природным отношениям своим, или по праву владения, составляющий особняк».

В международной терминологии, построенной на греческих и латинских основах (аборигенное, автохтонное население) и широко используемой сегодня российскими учеными, политиками и законодателями, наиболее близким по значению является термин «автохтоны», образованный от древнегреческих основ (сам) и (земля). «Само-земцы», однако, несмотря на наличие общего с «ту-земцами» корня, оказываются ближе по значению к терминам, имеющим в своей семантике компоненты, группирующиеся вокруг значения «уроженцы определенной местности». Подобное толкование термина «туземцы» «роднит» его с понятиями «иноземцы» и «чужеземцы». Противопоставленное им понятие «единоземцы» объединено отношением землячества, в то время как иноземцы и чужеземцы совсем не обязательно состоят в отношении землячества друг к другу, но могут быть уроженцами различных государств и составляют категорию пришлых. В отличие от иноземцев туземцы не рассматриваются ни как пришлый элемент, ни как безусловные граждане государства, а рассматриваются как граждане, имеющие неопределенный

статус. Туземцы в качестве населения «тех земель» оказываются включенными в государство точно в той же мере, в которой «те земли» оказываются включенными, присоединенными и освоенными этим государством.

Термин «туземцы» не только является частью семантического поля, охватывающего едино-, со-, одно- и ино-земцев, но и частью одной из классификаций категорий населения. Наличие в нем в качестве основы корня «-зем-» позволяет усмотреть в его значении отражение существовавшей иерархии земель. Границы между «этими» (нашими, освоенными) и «теми» (периферийными и еще только осваиваемыми) землями пролегли не столько в физико-географическом пространстве, сколько в области, так называемой, символической, или сакральной, географии.

В этой связи необходимо отметить, что на протяжении XVI-XVIII вв. в официальных документах российского правительства и местной администрации термин «туземцы» употреблялся преимущественно по отношению к сибирским инородцам, народам Поволжья и Приуралья (татарове, черемисы, башкирцы, вотяки), либо по сословиям и вере (тептяри, магометане, иноверные). Не употреблялся термин «туземцы», по крайней мере в языке официальных актов, и по отношению к населению Малороссии, Прибалтики и Кавказа, где его заменяли наименования сословных групп (малороссияне, лифляндцы, грузинцы и т. д.)[7].

При подобном подходе «туземное население» противопоставлялось «полноценным» подданным, «цивилизованным» представителям метрополии и рассматривалось в качестве «становящихся» подданных или граждан, а их земли относились к разряду осваиваемых. Поскольку статус туземцев как подданных оставался до некоторой степени неопределенным и как бы «незавершенным», то государство занимало по отношению к ним особую позицию, отличную от «полноценных» одноземцев, что выражалось в формировании особой политики (замирение, косвенное управление, а сегодня - национально-территориальных автономий).

Не менее сложна историческая традиция применения термина «инородцы». Он зафиксирован уже в документах XVI-XIX вв. (законодательных актах, распоряжениях, межведомственной переписке). Законодательное оформление термин приобрел в Уставе «Об управлении инородцев» (22 июля 1822 г.)[8]. Инородцами считались не-славянские племена: 1) сибирские туземные племена; 2) самоеды;

3) калмыки Астраханской и Ставропольской губерний (но не Донской области); 4) киргизы; 5) горцы Кавказа; 6) туземцы Туркестана; 7) ордынцы Закаспийской области; 8) евреи. В соответствии с § 1 Устава инородные племена «по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» разделялись на три главных разряда - оседлых, кочевых и бродячих, с наделением каждой категории особыми правами и обязанностями.

Анализ использования термина «инородцы» позволяет отметить две особенности. Первая из них связана с членением фискально-административного пространства в связи с учреждением инородческих волостей. Инородцам запрещалось самовольно перемещаться из волости в волость, что, по мнению ряда исследователей [9], объяснялось не стремлением законсервировать патриархально-родовые отношения, а невозможностью иным образом обозначить условные границы. В результате термин стал ассоциироваться с податными категориями тяглых, или «ясачных инородцев», что подтверждается наличием специфичной терминологии в документах того времени.

Второе наблюдение касается практически полного исчезновения термина после революции. На первых порах его успешно заменял термин «туземцы»: вместо инородных управ возникли тузсоветы и тузРИКи, а документы новой власти, касавшиеся коренного населения, были полны выражений типа «туземные племена». В научных трудах этого периода «туземцы» терминологически заменили «инородцев». Причиной стало несоответствие термина официальной доктрине интернационализма, сделавшее термин «политически некорректным». Основное значение термина «инородец» - «уроженец другого, чужого племени или народа» [10] (как и его синоним - иноплеменник) - подразделяло населения страны на соплеменников и иноплеменников, что не могло не сказаться на судьбе этого термина в советский период.

Интересный комментарий к употреблению термина в начале XX в. оставил нам известный этнограф Л. Я. Штернберг [11], считавший, что термин «инородец» понимается на языке правительства и националистической прессы в двояком смысле - политическом и технико-юридическом. В политическом и главнейшем значении этого слова основным признаком инородчества является язык [12]. Подобная классификация народов России по языковому признаку несколько не характеризует ни

уровня культуры, ни степени национального самосознания его носителя. Исторические реалии нашего времени стимулировали появление термина на страницах печати, но уже в качестве словарного инструментария имеющего экзотико-негативную смысловую нагрузку.

Нельзя обойти вниманием и лежащий в исследуемой плоскости термин «иноверцы». У Даля слово «иноверие» («иноверство») определяется как «ученье и обряды другого, не господствующего где-либо исповеданья, веры», а «иноверец» как тот, «кто исповедует иную, различную с кем-либо, или не господствующую в государстве веру»[13]. Отмеченный критерий господства важен, так как позволяет заметить, что коренное население находилось у "подножия" власти и являлось своего рода нулевой точкой отсчета не только в классификациях народов и земель, но и в классификации конфессий. Переход в православие и крещение «работали» в качестве «социального лифта», открывающего новокрещеным «иноверцам» перспективы для экономического и социального роста.

Можно утверждать, что крещение в российской империи XVII-XVIII вв. было значимым средством для социального продвижения. Согласно российскому законодательству, мусульманин мог принять лютеранскую, римско-католическую, армяно-григорианскую и другую христианскую веру, получив на это санкцию верховной власти. Переход христиан в ислам или иудаизм был юридически невозможен и преследовался в уголовном порядке. Во многих случаях вслед за актом присоединения к официальной церкви следовала этническая ассимиляция крестившихся, то есть их потомки могли носить другую фамилию и «писаться» соответственно как русские[14].

Государство законодательно стимулировало переход иноверцев в православие. Согласно Уложению о наказаниях 1845 г., в награду за принятие христианства в процессе следствия или суда «иноверец» мог рассчитывать на смягчение наказания не только в «мере», но и в «степени» и «роде» (т.е. надеяться не только на минимальное наказание, полагающееся законом за конкретное преступление, но и отнесение своего деяния к разряду менее тяжких преступлений). Решением Государственного совета (6 апреля 1849 г.) Сенату и другим судебным местам вменялось в обязанность ходатайствовать о смягчении наказания преступникам, пожелавшим креститься.

Данная практика просуществовала в законодательстве до судебной реформы 1864 г. и была отменена в ходе ее реализации указом 24 марта 1866 г.

Необходимо обратить внимание на важный генеалогический момент: в 1865 г. крестившимся иноверцам, находящимся на военной службе, разрешили заменять в формулярных и послужных списках отметку о прежнем вероисповедании обозначением сословия, к которому они принадлежали до поступления на службу, и дали право принимать новые фамилии, заимствованные от имен их крестных отцов. Однако следует заметить, что, несмотря на обилие указов, конфессиональная интеграция иноверцев зачастую была поверхностна, и новокрещенные часто сохраняли приверженность прежним культам («крещеные иноверцы»). Появление такого рода выражений объясняет существование метонимических словосочетаний типа «иноверческие деревни» и «иноверческие языки», что приводило к подмене наименований инокультурного населения конфессионимами, слово «иноверец» начинало функционировать как этноним.

Рассматриваемое семантическое поле содержало также и множество иных терминов, связанных с понятием "иноверец" отношениями противопоставления и сходства – «крестьянин» (христианин), «магометанин» (мохамеданин, мусульманин, бусурманин; в современной политической риторике – «исламист»), православный, правоверный, язычник. К числу часто используемых синонимов термина «иноверец» следует отнести «идолопоклонник» (идольщик, идолослужитель, идолочтитель, кумирщик), а также термины «поганый» и «нечистый»[15].

Объем понятия «иноверцы» охватывал все неправославное население империи. Однако, как и во всех социально значимых категоризациях, при ближайшем рассмотрении такого рода «уравнения» включали множество исключений и пограничных случаев. Нелогично выглядит с этой точки зрения пара «православные – правоверные». По правилам, «правоверным» должны были противостоять «иноверные», но эту нишу занимает термин «православные», или «христиане». Термин «правоверные» оказывается закрепленным за мусульманами. «Правоверные мусульмане» одновременно выступали и как «неверные», и сами называли христиан «неверными» (кафирами, гяурами). Рассмотрение системы терминов, описывающих коренные народы в конфессиональном отношении, позволяет утверждать, что в

массовом сознании религии неправославных народов воспринимались как темные, «поганые», языческие.

С XVIII в. начался нормативный натиск на туземцев - насильственная христианизация: уничтожались идолы, крушились святилища, преследовались шаманы. В языке эти явления отразили изменения в основных терминах – «туземцев» сменяли «инородцы», «инородцев»- «иноверцы». Объемы понятий, их география и использование различными слоями населения постоянно менялись. Политические доктрины и управленческие реформы все более влияли на содержательную сторону терминологии.

Особое внимание стоит уделить понятию «коренной народ». Политика огосударствления всех аспектов жизни коренных народов была продолжена после Октября 1917 г., однако новой власти было жизненно необходимо обозначить разрыв в преемственности с прежней, на первых порах хотя бы с помощью чисто символических средств. Необходимость эта была обусловлена политической позицией большевиков по отношению ко всему прежнему, включая, разумеется, все социально-значимые классификации (сословно-классовые, лингвокультурные, этнонациональные). Лозунг разрушения старого мира «до основанья», примененный и к средствам выражения и к мыслительным стереотипам, был одновременно утопическим, парадоксальным и практически опасным. Изобретая новояз, власть рисковала утратить связь со своей «аудиторией». Придумать язык, одновременно понятный народу и новый, рвущий нити привычных ассоциаций и связей с ненавистным прошлым, было чрезвычайно трудно.

Эта двуединая задача была решена с помощью сочетания партийного жаргона с тщательно отобранными по принципу идеологического соответствия старыми терминами. Из сложившейся терминосистемы было выброшено слово «инородец», и практически перестали употребляться (в особенности, если вести речь о языке официальных документов) термины «иноверец» и «ясачный». Из старых слов были оставлены лишь «туземец» и «племя»; они и были использованы полностью, вплоть до исчерпания их потенциала означивания; из них был построен длинный ряд производных терминосочетаний.

Период с 1924 по 1932 гг. стал пиком термино- и законотворчества, когда свет увидели более 50 нормативных документов, содержащих около 20 терминов для

обозначения коренных народов. Само слово «коренной», впрочем, было использовано лишь однажды - в постановлении ВЦИК (21 декабря 1931 г.), в котором, наряду с выражениями «коренные народности Севера» и «коренное население Дальнего Севера, Сахалина и Камчатки», употреблялись также словосочетания «туземные народности Севера» и «нацменьшинства».

Несмотря на обилие новых терминов, характеристики этого мышления не особенно изменились по сравнению с досоветским периодом. Новая власть, начав с осторожных, абстрактных и малопонятных широким слоям населения «национальности», «национальных меньшинств» и «этнографических групп», перешла впоследствии на привычные стереотипы мышления о далеких туземцах. Первые акты советской власти вообще не содержали открытых упоминаний о народах Сибири и Севера. Шла борьба за привлечение на ее сторону политически активных национальных элит Украины, Поволжья и Кавказа, и Наркомнац пользовался общими терминами- «народ» и «национальность».

В перечисленных терминах периода 20-30-х гг. XX в. подчеркивается немногочисленность этнических групп (не народы, а племена и народности, причем «малые», «мелкие»). Необходимо заметить, что учет численности (величины) народа являлся неременной особенностью мышления лишь при рассмотрении групп коренного населения Севера и Сибири. Некоторые столь же немногочисленные народы «внутренней периферии» европейской России (водь, ижора, вепсы и др.) стали мыслиться как «малые» или «малочисленные» только в перестроечный период. Что же касается народов Кавказа, то в отношении их термин «малочисленный» не употреблялся в законодательной практике вплоть до самого недавнего времени.

Второй устойчиво воспроизводящейся темой при упоминании коренных народов является их удаленность от центра. Организованный в 1925 г. при президиуме ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин развернул бурную законодательную деятельность. Ее терминотворческая сторона отразилась в создании к 1926 г. формулы «туземные народности и племена северных окраин», кочевавшей из документа в документ в течение трех лет, после чего ее заменило выражение «малые народности Севера».

Что касается экзотизации и романтизации восприятия этих народов, то ее следы невозможно обнаружить в документах правительства, но ими полны научные отчеты и

полевые дневники современников. Можно заметить, что несмотря на значительное обновление терминологии, представление об этих народах в 20-30-е гг. XX в. не слишком отличалась от предшествующих периодов.

Период 80-90-х гг. XX в. характеризовался довольно резкой сменой терминологии. Очевидно, перед «архитекторами перестройки» стояла та же задача символического размежевания с терминологией предшествующего периода, что и перед большевиками в 1917 г. Слово «народности» ушло из официального употребления, как и слово «малые». Их место было занято терминами «народ» и «малочисленный». Понятие «коренные народы» в официальных документах появляется лишь дважды и оба раза - в указах президента.

Шестидесятилетнее табу на употребление формулы «коренные народы» и замена ее понятием «малые, или малочисленные" народы (народности) неслучайно. Оно объяснялось официальной позицией, выраженной представителем СССР на одной из сессий Рабочей группы ООН по коренному населению, в сочетании с которой использование термина «коренные народы» уместно лишь в колониальном контексте. В соответствии с этой позицией было заявлено, что «коренных народов» в юридически строгом понимании этого термина на территории СССР нет. Этот постулат вступает в противоречие с семантикой термина «коренной», указывающего на «изначальность» определяемого им населения, так как не учитывает присутствие предков данной группы населения в период ее освоения русскими.

Прагматика слова «коренной» указывает еще на одно значение: «коренной» относится к народу (уже поименованному, сложившемуся и получившему впоследствии более или менее признанную генеалогию, что особенно важно при смене наименований), который населял колонизируемый регион на момент колонизации. Но и это верно при двух условиях: 1) существует непрерывная преемственность власти (государства-метрополии, осуществляющей колонизацию); 2) существует реальная или воображаемая преемственность между обретенными в период колонизации «новыми подданными» и современными этническими сообществами. При любом нарушении одного из этих двух условий термин «коренной» перестает употребляться по отношению к конкретной группе.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что схема (компонент значения) колонизации в современном дискурсе всячески подавляется по очевидным

политическим мотивам. В риторике, где этничность территориализована и политизирована, всякое сомнение относительно легитимности наличных институтов моментально переводится на язык территориального передела и дележа ресурсов и воспринимается доминирующим обществом как угроза. Разные общества используют различные стратегии, чтобы ослабить или устранить эту угрозу. Западные демократии чаще идут по пути распрямления и деполитизации этнического, демонтажа институтов, связывающих этничность с властными структурами, что достигается, не в последнюю очередь, за счет подчеркивания процессуального характера этничности, множественности социальных идентичностей и аналогичных идей типа «гражданской нации». Россия, с ее глубокой институализацией натуралистических представлений об этничности - этнофедерализмом, "национальной политикой" с ее иерархией статусов и системой привилегий, "приписываемых" в зависимости от этнической принадлежности людей, особыми традициями госстатистики в большинстве случаев избирает иные стратегии, носящие, как правило, идеологический (мифологический) характер - вытеснение (маргинализация, забвение) этически «неловких» аспектов колонизации, их переозначивание (вместо «колонизации» - «присоединение» и «освоение», вместо «ассимиляции» - «природнение» и т. п.), изобретение и заимствование «оправдательных» версий колониальной экспансии.

При всем многообразии групп, относимых сегодня к коренному населению, объединяющим являлось стремление власти примирить их с результатами колонизации, сделать неотделимой (и неотличимой от других частей) частью «нас». С одной стороны, коренные народы изображались как технически отсталые и полуграмотные, погрязшие в предрассудках и не способные на решение собственных проблем, а с другой стороны - массовая колонизация традиционных территорий их проживания обусловила навязывание чуждых идеологий, подавление их собственных исторических и культурных традиций, что иногда принимало форму открытых конфессиональных преследований и уничтожения национальной элиты.

Естественно, изучение процесса формирования представлений о коренных народах не удастся охватить в рамках данной статьи. К сожалению, в современной исторической науке вопросов больше, чем ответов. Тем не менее, осмысливая проблему, удалось выявить целый ряд моментов преемственности, объединяющих современные стили мышления и речевые формулы с историческими представлениями

о стереотипе восприятия коренных народов, складывавшимися уже в XVI-XVIII вв. К числу этих моментов следует отнести формирование представления о коренном населении как об особой целостности, объекте национальной, экономической и конфессиональной политики; деформирующее влияние политизации мышления на складывающееся в массовом сознании представление о населении окраин Российской империи.

Литература:

1. Каппелер А. Россия - многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс, 1996.
2. Dickinson S. Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. № 1. P. 3-25.
3. *J.-F. Lafitau*. Les mœurs des sauvages americains comparees aux mœurs des premiers temps. Paris, 1724. Vols. 2 ; Тюрго А.Р. Избранные экономические произведения. М.,1961.
4. Государственная программа национального возрождения и межнационального сотрудничества народов России (основные направления). М., 1994. С. 35.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.,1937. Ч.1, лекция XVII. С.302-304.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т.1. С.678-679.
7. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1825. Т. 1. Д. № 10, 16, 823, 4464, 4743, 7026, 7278, 8978.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38. С. 394–411.
9. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 1995. С. 96–97.
10. Даль В. И. Указ. соч. С. 46.
11. Штернберг Л. Я. Иностранцы. Общий обзор // *Формы национального движения в современных государствах / под ред. А. И. Кастелянского*. СПб., 1910. С. 529–574.
12. Там же. С. 531–532.
13. Даль В. И. Указ. соч. С. 45.

- 14.Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М., 1997. С.128. ПСЗ РИ. Т. 30. С.212.
- 15.Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. С. 47.